

АРХАНГЕЛЬСК, ПГУ, 12-16 СЕНТЯБРЯ

XIV

КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ИЗУЧЕНИЮ

*

ИДИНЛЯНИИ

СТРАН И ФИНЛЯНИИ

Российская академия наук
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
Министерство образования Российской Федерации
ПОМОРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА

**XIV КОНФЕРЕНЦИЯ
ПО ИЗУЧЕНИЮ
СКАНДИНАВСКИХ СТРАН
И ФИНЛЯНДИИ**

Тезисы докладов

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Администрации Архангельской области,
Российского гуманитарного научного фонда
и Секретариата Баренцева Евро-Арктического региона*

Москва – Архангельск

2001

Примерноморье также могут служить источником подобных ремнищащих.

* * *

С.С. Ширинский
Москва

МАСТЕР-КОСТЕРЗ ИЗ СКАНДИНАВИИ И ТРАДИЦИИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЖУЩЕ-КОЛЮЩЕГО ОРУЖИЯ В ПОДНЕПРОВЬЕ

В 1900 г. у д. Гнездово в костреще кургана 74 (16) раскопаны С.И. Сергеева обнаружен обломок резного костяного навершия, изданный при его первой публикации В.И. Сизовым "рукояткой ножа или кинжала" и определенный позднее Н. Феттигом как навершие рукоятки сабли. Следует признать, что и спустя столетие после появления указанной находки ни в Гнездово, ни при исследовании других памятников каких-либо кинжалов, ножей или иных предметов, которые могли бы служить альтернативной атрибуции венгерского ученого, не выявлено.

"Слослусто", по выражению А.А. Спидина, осязаемое в сечении навершие из кургана 74 (16) в своей сохранившейся части действительно точно соответствует признакам так называемого "групповидного" завершения рукоятки мечах сабелей, получивших свое распространение в VIII – первой половине XI вв. Тем не менее, упомянутое предположение Н. Феттига у специалистов, занимающихся изучением ранне-средневековых древностей Поднепровья, признания не получило. Не исключено, что этому могли способствовать и концептуальные различия между имеющимися материалами, и кинные традиции протекания некоторых легенд о событиях, происходивших на Руси в IX и X вв. К тому же сомнения в справедливости атрибуции Н. Феттига подтверждались отсутствием каких-то убедительных свидетельств о находках в Гнездове других сабель и наличием на рассматриваемом навершии опоясывающего декора в стиле Борре. Находка сабли номина, украшенной подобным узором, казалась бы очень реальной.

Мастерство исполнения этой вещи отмечено еще А.А. Спидиным. Пластичность рельефа и верность рисунка представленной на кости резьбы следуют образцам декора в стиле Борре, выполненного фигурно и зерно на ювелирных изделиях из драгоценных материалов. Мастер-костерз не подражает, а органично отражает оригинальность искусства Скандинавии своего времени. При этом навершие настолько точно соответствует образцам завершений сабельных рукояток, что можно предполагать хорошее знакомство создателя с подлинными образцами такого оружия.

Подтверждением проведенных предположений могут служить находки в кургане Ц-3, исследованного Д.А. Аудуновым у д. Гнездово в

1950 г. В развале погребального костра здесь встречены железия створка – одна из половинки составного навершия рукоятки сабли. Подобные осязаемые в сечении "завершения смешанного типа" с округлым завершением и трехгранной основой хорошо известны. Открытая в кургане Ц-3 створка сохранила отверстие для ее крепления к рукоятке и подпружинный выступ, фиксируемый в последней соответствующим вырезом для предотвращения подвигки составных частей навершия по горизонтали. В костреще обнаружены также одна из двух железных портупейных скоб от ножен сабли.

Последовательность использования одноклезвийного оружия лядями, поселившимися район Гнездова или проживавшими здесь в IX – X вв., подтверждает найденный в 1950 г. у д. Гнездова Д.А. Аудуновым в кургане 80 бронзовый литой наконечник меча или кинжала. Находка представляет собой почти плоский подпружиненный в профиле пезид, нижняя часть которого завершается расплодывающимися с противоположных сторон уступами, между которыми размещен клезвийный выступ. Сверху наконечник охватен высоким бордюром, образованным двумя отстоящими друг от друга нарезными кантами.

Прототипы наконечника ножен из кургана 80 – буферолы одноклезвийных мечей или кинжалов, представленные в Поднепровье в составе таких известных комплексов как Перецетинно и Глодоссы. Отличие от последних изследованное завершение основания наконечника из Гнездова, в свою очередь, повторяет оформление верней и нижней частей аналогичных одноклезвийных мечей, известных для конца VII – VIII вв. по находкам в Иране и изображению в Вароше. Вероятно хронологическая граница распространения подобных наконечников известна по находке ножа в ножах в Вероном Прикамье в Урыинском местечке IX в.

6. Концом IX – началом X вв. датируется в целом и рассматриваемые выше детали сабель и ножен одноклезвийного меча, открытые в Гнездове. Об этом свидетельствует время встреченных вместе с ними в комплексах металлических накладок на конскую сбрую фибул, лесовой гирлянды.

7. Приведенные материалы косвенно подтверждают, что обломок резного костяного навершия из кургана 74 (16) принадлежал рукоятки сабли. Привязание присутствия в развале погребального костра кургана 74 (16) обломка сабли позволяет, в свою очередь, восстановить справедливость, сами имеющиеся в литературе сомнения в существовании здесь захоронения мужевны – владельца сожженной в костре ляди.

8. Находка Д.А. Аудуновым в Гнездовском кургане 80 наконечника ножен меча или кинжала, имеющего своим прототипом буфероль из Перецетина, не может считаться случайной. Дружина Руси до начала массового распространения на ее территории обоюдос-

трого западноевропейского меча должны были активно использовать давно и хорошо известный в Поднепровье однолезвийный меч. Естественным для конных воинов региона оказалось и применение распространившейся здесь в VIII-IX вв. сабли. Мастеру-костерезу, попавшему на Русь из Скандинавии и изготовившему рукоять сабли из кургана 74 (16), не было необходимости для знакомства с этим оружием следовать далее Гнездова или Киева. На службе у князей Руси или при посещении ее земель с торговыми целями возможностей для такого ознакомления имелось достаточно.

* * *